

RU

Дискурсные «ипостаси» Жака Лакана: французская лингвокультура

Седых А. П., Акимова Э. Н., Скворцов К. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление лингвосемиотических характеристик дискурса французского психоаналитика Жака Лакана, транслирующих элементы его языковой личности, через призму вклада учёного во французскую языковую культуру. Научная новизна исследования состоит в построении когнитивно-коммуникативной модели описания дискурса и во введении в научный оборот теории языка термина «дискурсный шеринг» с целью уточнения понятийного аппарата и более чёткого семантического структурирования терминосистемы ономазиологии, теории языка и теории коммуникации. Важным моментом исследования выступает обнаружение корреляций между междискурсным трансфером и транскультурным моделированием метапсихоаналитического знания, иными словами, между лингвистическим и концептуальным анализом высказывания в русле интерпретативно-семиологического подхода. Полученные данные делают возможным выявление ряда важных механизмов лингвосемиотического воздействия на мышление индивида, необходимых для осуществления адекватной коммуникации как подвида дискурсного шеринга, связанного с активизацией динамики развития лингвосемиотических и лингвокультурных данных, на путях создания новой метадискурсной аксиологии как в теории, так и в практике не только лингвосемиотики психоанализа, но и общего языкознания.

EN

Discourse “hypostases” of Jacques Lacan: French linguistic culture

A. P. Sedykh, E. N. Akimova, K. V. Skvortsov

Abstract. The aim of the research is to identify the linguosemiotic characteristics of the discourse of the French psychoanalyst Jacques Lacan, transmitting elements of his linguistic personality, through the lens of the scholar’s contribution to French language culture. The scientific novelty of the research lies in constructing a cognitive-communicative model for describing discourse and in introducing the term “discourse sharing” into scientific use of language theory to refine the conceptual apparatus and achieve a clearer semantic structuring of the terminological system of onomasiology, language theory, and communication theory. An important aspect of the research is the discovery of correlations between interdiscourse transfer and transcultural modeling of meta-psychoanalytic knowledge, in other words, between linguistic and conceptual analysis of discourse within the interpretative-semiological approach. The obtained data make it possible to identify a number of important mechanisms of linguosemiotic influence on individual thinking, necessary for adequate communication as a subtype of discourse sharing linked to the activation of the dynamics of linguosemiotic and linguocultural data development, in the process of creating new meta-discourse axiology both in theory and in practice not only in the linguosemiotics of psychoanalysis but also in general linguistics.

Введение

Актуальность работы видится в повышении роли интердискурсного и трансдискурсного восприятия информации и в растущей востребованности аксиологических построений в русле поиска адекватных оценок и решений для конструктивной синергии индивидуального и коллективного когнитивного потенциала социума. Актуальными представляются также и перспективы дальнейших исследований, очерченных в работе и направленных на создание метадискурсных основ для реконструкции адекватных когнитивно-коммуникативных моделей в русле перспектив осуществления успешного транскультурного общения.

Любая дисциплина, любая сфера деятельности и любая область знаний обладает своим терминологическим арсеналом. Исследования профессионального дискурса не являются исключением: проблемы, которые наука о языке должна постоянно решать, заставляют её корректировать не только свои инструменты оценки, но и свои концепции. Если лингвистика оперирует такими базовыми единицами, как фонема, морфема, предложение, то лингвосемиология призвана сконструировать собственный метаязык для формирования и постоянного обновления критического аппарата для аутентичной рефлексии, анализа и оценки эмпирического материала.

Центральной задачей данного исследования является лингвокогнитивное и семиологическое описание механизмов функционирования психоаналитического дискурса.

Психоанализ интегрирует понятия, заимствованные из различных областей гуманитаристики: общего языкознания (означаемое, означающее, язык, речь, дискурс), грамматики (синтаксис, высказывание), риторики и стилистики (персонификация, метафора, метонимия), приёмов письменного дискурса (структурная перестройка, сгущение), педагогики (общая цель, конкретная цель), терминологии (терминологический список, язык специальности), лексикологии (заимствование, отслеживание), литературного анализа (анализ и интерпретация дискурса) и когнитивной психологии (когнитивные аспекты, концепт).

При этом психоанализ также имеет свой терминологический аппарат, не всегда единогласно признаваемый специалистами в данной области (трансфер, оговорка, кастрация, комплекс, архетип), который перманентно обогащается новыми терминами, как и в случае с термином-неологизмом Жака Лакана "*parlêtre*" или термином «дискурсный шеринг», вводимым авторами данного исследования. К основополагающим задачам исследования относятся: а) акцент на выявление терминологических единиц, несущих культурную информацию; б) верное понимание их информативного и лингвокультурного содержания; в) адекватная реализация лексикокультурных единиц в ходе междискурсного трансфера.

Культура и дискурс – понятия нераздельные. Лингвoseмиотическая реконструкция дискурса – это также реконструкция культуры, к которой принадлежит тот или иной дискурс. Передовые представители филологической науки делают акцент на данном феномене (Карасик, 2016; Рикёр, 2004; Pruvost, 2000; 2014; Седых, Бузинова, Пашковская, 2023).

Исследование опирается на теоретико-практический и практико ориентированный подход, основанный на концептуализации значения не только как информационной утилиты, но и наделенной функциями, направленными на удовлетворение насущных потребностей реципиента дискурсных данных через адекватное восприятие лингвoseмиотического потенциала *означающих* (Седых, 2022).

Потенциальные означаемые понимаются как «операциональные виртуальные единицы, которые актуализируются при помощи интенсификации дискурсной активности (когнитивного целеполагания) субъекта, схватывая искомый номинант в любой нужной точке движения операционального хронотопа, который качественно преобразуется под воздействием селективных модальных признаков дискурса; поэтому в функционировании языка все кинетично и механично» (Седых, Акимова, Безкоровайная, 2024, с. 93).

Наряду с дискурсным материалом лакановских текстов материалом для исследования послужили следующие словари:

- Larousse. Le Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. P., 2013.
- Laplanche J., Pontalis J.-B. Vocabulaire de la psychanalyse. P.: PUF, 2007.
- Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. P.: IC Lattès, 2014.
- Dictionnaire culturel en langue française: en 4 t. / éd. par A. Rey, D. Morvan. P.: Le Robert, 2005. Т. 1-4.

А также работы французского психоаналитика:

- Lacan J. Le symbolique, l'imaginaire et le réel // Bulletin interne de l'Association française de psychanalyse. 1953. Vol. 4. No. 1.
- Lacan J. Écrits. P.: Le Seuil, 1966a.
- Lacan J. Le stade du miroir // Lacan J. Écrits. P.: Le Seuil, 1966b.
- Lacan J. Séminaire XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse. P.: Le Seuil, 1973.
- Lacan J. Séminaire I. P.: Le Seuil, 1975.
- Lacan J. Séminaire III. P.: Le Seuil, 1981.
- Lacan J. Séminaire VII. P.: Le Seuil, 1986.
- Lacan J. Séminaire V. P.: Le Seuil, 1998.

Дискурс как объект исследования традиционно пользуется особым вниманием языковедов (Карасик, 2007; 2016; Седых, 2022; Identités sociales..., 2009; Rey, 2020). Тем не менее, как любой многозначный феномен, дискурсология имеет большой потенциал эпистемологического развёртывания, что отражается в ряде работ филологов, социологов, теоретиков философии языка (Morin, 2006; Rastier, 2009; Седых, Марабини, 2021).

В теоретическую основу работы положены концепции следующих исследователей и направлений: дискурсологии (Identités sociales..., 2009; Олянич, 2014), лингвокультурологии (Воробьёв, 2008), теории этнокультурных следов языкового знака и языковой личности (Седых, 2022; Седых, Бузинова, Пашковская, 2023), дискурсной идентичности (Identités sociales..., 2009; Sedykh, Emanuele, Kugan, 2022), интеракционной коммуникации и лингвоидентичности (Kerbrat-Orecchioni, 2005; Sedykh, Ivanishcheva, Koreneva et al., 2018), нарративной семантики (Рикёр, 2004), лингвoseмиологии (Kristeva, 2000), психомеханики (Guillaume, 1982; Babu, 2014; Tabachnick, 2011; Седых, Бузинова, Иванова, 2023), металексикографии и лексикологии (Quemada, 1987; Pruvost, 2005; Dictionnaire culturel..., 2005).

Значимость теоретических построений работы видится в дальнейшей разработке лингвoseмиотического подхода к изучению дискурса, с введением дополнительных синергетических параметров метадискурсного и трансдискурсного кластера. Анализ эмпирического материала позволяет говорить о подтверждении научных положений теории языка, теории дискурса и лингвoseмиотики. Методика, теоретические позиции и результаты исследования могут послужить для дальнейших разработок теории трансдискурсного моделирования, в частности метадискурсной картины мира и нового терминологического арсенала эпистемологической направленности.

Методы исследования включают в себя когнитивно-коммуникативную интерпретацию высказывания, а также выделение метакультурных признаков речевой рецепции и коммуникации с целью создания условий для обозначения реалий трансдискурсивной активности.

Результаты исследования найдут применение в процессе преподавания лингвосомиотических основ языкознания и метакультурного дискурса, на лабораторных занятиях филологических и переводческих специальностей, в рамках практических курсов по подготовке преподавательского состава педагогических институтов и преподавателей языковых и классических университетов.

Обсуждение и результаты

Типология лакановских дискурсов

Одной из отличительных черт современной дискурсологии является антропоцентричность эпистемологических векторов, ориентированных на построение идентификационных лингвистических моделей личности, в частности профессиональной языковой личности (Карасик, 2007; 2016; Седых, 2022; *Identités sociales...*, 2009; Rey, 2020).

Как правило, объектом дискурсологического исследования всё чаще становятся языковые воплощения ключевых фигур национальной лингвокультуры, таких как, например, Б. Л. Пастернак для российской цивилизации или А. Меркель для немецкого этноса (Седых, 2016). Подобным персонажем является и личность Жака Лакана, ведущего представителя французского психоанализа. При этом психоаналитическое наследие учёного трудно переоценить, так как Жак Лакан не только крупный исследователь уровня Зигмунда Фрейда и Карла Юнга, но и один из самых ярких представителей языковой культуры Французской Республики.

После ухода из жизни Жак Лакан (1901-1981) стал почти живым национальным достоянием. Вот как живописно передаёт свои впечатления о воздействии великого психоаналитика на умы французов писательница Катрин Клеман: «Издавна обожаемый или ненавидимый сумасшедший денди, известный своими кривыми сигарами, галстуком-бабочкой и толпой знаменитостей, стекавшей на его семинар; вблизи – тело, охваченное мыслью. Уступите место голосу. Мы слушали эту медленную речь, перемежающуюся вздохами, *раскручивая предложения в поисках кульминации, запертые в точной грамматике*, но трудно уловимой. Затем Лакан повторил свои шаги, потянув своих слушателей вдоль реки, течение которой было известно только его логике. Мы, *Пьяные корабли*; он, *Бурлак*. Результат? Его мысль, как швейцарский нож, который есть у каждого француза и применяется по мере необходимости» (Clément C. *Le XXIe siècle est d'ores et déjà lacanien // Le Monde*. 08.09.2011. https://www.lemonde.fr/livres/article/2011/09/08/le-xxie-siecle-est-d-ores-et-deja-lacanien_1569256_3260.html). Здесь наиболее ценной представляется мысль о «предложениях, запертых в точной грамматике», которая раскрывает важность лингвистического инструментария и его воздействия на языковое сознание реципиента.

Языковое пространство, созданное Лаканом, отличается разнообразием и полиморфностью, и здесь вслед за французским психоаналитиком выделяем четыре типа дискурса: *дискурс хозяина-господина* (капиталистический), *академический дискурс* (университетский дискурс), *психотический дискурс* (дискурс истерии), *аналитический дискурс* (дискурс психоаналитика).

Многие исследователи писали о дискурсе до и после Жака Лакана (Фуко, 2006; Kerbrat-Orecchioni, 2005), но для концепции французского психоаналитика ключевым моментом является не само понятие «дискурс», а то, что выступает семиотическим генератором, то есть определяет условия формирования и развития современных дискурсивных построений. По мнению Лакана, дискурс есть реальность, которая существует «без нашего ведома» (*à notre insu*). Очевидно, по этой причине Лакан называет один из своих семинаров «Обратная сторона психоанализа» (*L'envers de la psychanalyse*) (Lacan, 1998).

Следует напомнить о том, что психоанализ – это практика, когда «кто-то просит другого помочь ему справиться со своими смущениями, симптомами, иногда с их извращениями, эта практика анализа – практика речи, построения ассоциаций, подразумевающих определённое использование языка, стремящееся к расшифровке того, что именуется бессознательным» (Kristeva, 2000, p. 27). С того момента, как Лакан определил бессознательное как инстанцию, «структурированную как язык», и ввёл в научный обиход ряд тем, которые, в частности, содержат в себе психоаналитические трактовки различных типов дискурса, начался парадигмальный поворот в сторону лингвистического психоанализа (Lacan, 1953).

Современная семиотика всё чаще фокусируется на том факте, что «дискурсы создают социальные связи» (Lacan, 1973, p. 17). Иначе говоря, если «естество-говорящее» (*parlêtre* – термин Лакана) стремится принадлежать общественному организму и хочет иметь отношения с другими членами социума, то субъект должен говорить, обмениваться информацией – или хранить молчание – но в конечном итоге он должен «вписаться» как минимум в один из этих четырёх дискурсов. По мнению Лакана, в случае неуспешной коммуникации в сообществе у человека появляются серьёзные проблемы интеграции. Данное явление касается прежде всего людей психотического типа. Оказывается, что в реальности, которая нас окружает, которая нас определяет, которую мы «сочиняем» и которая «сочиняет» нас одновременно, эта реальность, по Лакану, состоит из «четырёх дискурсов и не более» (Lacan, 1973, p. 3).

Дискурс хозяина-господина (*discours du maître*)

Первый дискурс, который Лакан назвал «дискурсом хозяина-господина» (*discours du maître*), конструируется из опыта психоанализа и из определения бессознательного, которое структурировано подобно языку.

В этом смысле французский психоаналитик в своей дискурсной модели опирается на базовые лингвистические конструкции. По сути дела, и остальные типы дискурса реконструируются согласно структурной организации национального языка: семантики, грамматики и синтаксиса (Lacan, 1973).

Напомним, что классическое языкознание свидетельствует о том, что между *означающим* и *означаемым* существует некая планка, нет отношения, ведущего непосредственно от одного к другому (Соссюр, 1970). Именно это и проверяется на основе лингвосомиотического анализа, можно сказать, что психоанализ выдвигает следствие этого разделения между *означающим* и так называемым местом *означаемого*. По мнению Жака Лакана, «на месте *означаемого*, в принципе, находится инстанция “Оно”, иными словами, *означаемое* есть место “фаллоса” и “кастрации”, и в этом состоит основная проблема психоанализа» (Lacan, 1966a, p. 7).

Итак, рассмотрим лингвосомиотические характеристики дискурса хозяина-господина (корреспондирующие термины: *дискурса господина*, *капиталистического дискурса*), являющегося одной из ключевых инстанций лакановской концепции дискурса.

По мысли французского психоаналитика: «...в случае дискурса хозяина-господина высказывание о “знании” (*savoir*, далее – *S2*) подчинено *ведущему означающему* (*signifiant-maitre*, далее *S1*)» (Lacan, 1973, p. 21), особенностью которого является репрезентация запретной (вытесненной) темы. В переводе на тривиальный язык это может означать, что дискурс хозяина-господина – это дискурс, выраженный от первого лица, от имени агенса, утверждающего себя через *S1*, что можно резюмировать формулой: *C'est MOI qui le dit* = «Именно Я это говорю, никто другой» (Lacan, 1973).

Оптимальным примером дискурса хозяина-господина является слово, «излучаемое» Богом, что можно передать при помощи формулировки: *Je suis celui qui suit* = «Я есть тот, кто я есть», подразумевая: если вы хотите знать больше, это не имеет решающего значения. Несомненно, делая это заявление, Лакан преувеличивает, в чем тем не менее было бы неправильно его упрекать, так как сама природа категории «божественное» является, по мнению исследователя, преувеличением (Lacan, 1973). В дискурсе хозяина-господина, сконфигурированном таким образом, то, что имеет ценность знания, имеет возможность самоутвердиться только в прямой зависимости от *S1*, которое само не принадлежит к порядку знания, данное означающее по определению непознаваемо и, следовательно, представляет собой объективно существующий независимый от нашей воли «неведомый абсолют» (*à notre insu*). По словам Лакана, «когда Бог соглашается ответить на вопрос типа: “Кто вы?”, “Как вас зовут?”, – это всего лишь слова, которые произносятся только потому, что Всевышний действительно этого хочет, так как он вполне мог бы вообще не отвечать на подобные вопросы и замкнуться в “обиженном” молчании, частичном и неуловимом ответе, который рикошетом скорее эвакуирует вопрос, чем решает его» (Lacan, 1973, p. 25).

Конечно, этот случай экстремальный: если Бог предстаёт субъектом, который при первой возможности говорит «Я», то он не выступает как запрещённый, разделённый субъект, но является легитимным Субъектом в абсолютном смысле слова. Здесь важно то, что, запретная тема или нет, она может быть выражена через себя, скажем, через «Я», только пройдя через *S1*, которое само по себе уже образует векторную пару со знанием. Речь идёт о концепте, который «скрывает» себя, освоение которого предлагает откровение, и лишь на частичном уровне, поскольку характеристикой истины является «онтологическая латентность», согласно уроку, который Лакан извлек из Хайдеггера (2012).

В этом плане, если *дискурс хозяина-господина* является истинным высказыванием, таким типом дискурса, который обладатель истины (Всевышний) в состоянии создать именно потому, что сохраняется фундаментально скрытый характер истины: «Создатель не говорит всего и, таким образом, отрицает претензии на знание всего того, что характеризует абсолютное знание, иллюзию, которая осуждает и даже уничтожает грубое вторжение истины в речь Учителя, вторжение, в котором нет ничего от рационального ясного знания, потому что оно имеет эффект не просвещения, а затемнения, поставив известное в зависимость от незнающего и даже, можно сказать, под его тиранию», потому что такие «отношения господства являются по преимуществу произвольными, оскорбительными; только хозяин может позволить себе совершить такое злоупотребление, посредством которого он утверждает свое положение властелина» (Lacan, 1973, p. 18). Быть хозяином-властелином – значит подчиняться только самому себе, держась в укрытии или вдали от любого внешнего призыва, даже если это зов разума: такое отношение систематически неразумно, что, как ни странно, определяет специфическую «логику», которой властелин обязан неуклонно придерживаться. Единственное обязательство, которое он фактически уважает, – это говорить что-то только в рамках, налагаемых *подчинением знания* (*S2*) *ведущему означающему* (*S1*), что ускользает от объяснения в точных терминах знания. Со своей стороны, знание в этой конфигурации не имеет никакой другой функции, кроме как представлять «*объект а*» (объект желания), то есть область объективности, которая не является самой реальностью, – как заявляет Лакан, «реальное есть невозможное» (*le réel est impossible*), которое связывает его с реальностью кантовской *непознаваемой вещи*. При этом «неизвестно, является ли мир перекроенным и уменьшенным в размерах желанием, которое низводит его до статуса артефакта» (Lacan, 1975, p. 30).

С лингвосомиотической точки зрения, *дискурс хозяина-господина* оказывается «пустым» знаком, который можно заполнить любыми смыслами, так как носитель этого дискурса опирается на акт насилия над языковым сознанием реципиента информации, потому что хозяин-агенса исходит из своей сильной позиции и признаёт своим единственным правилом семиотику насилия. В результате *дискурс хозяина-господина* устраняет искушение вернуть субъекта-реципиента в пространство чистого знания, другими словами, на уровень «знания, которое будет подотчетно только самому себе» (Morin, 2006, p. 11).

Подобную трансформацию совершает лакановская концепция дискурса, когда учёный решает символизировать знание, используя аббревиатуру **S2**, которая раз и навсегда ставит реципиента-пациенса в подчиненное, доминируемое положение, применяя скептическую, «отсрочивающую» философию, помещая индивида вне парадигмы законов рационального познания. *Дискурс хозяина-господина*, согласно его функции и семантической роли, стоит выше любого знания и «изо всех сил отказывается позволить ему господствовать над собой», потому что хозяин-агенс «осознает, что знание, в конце концов, является лишь *означающим* по форме и тем самым занимает не просто господствующие позиции в высказывании-дискурсе, а семиотически поработывает индивида: познание функционирует только в зависимости от чего-то, чем он не владеет просто потому, что он этого не знает» (Lacan, 1986, p. 15). Другими словами, по мнению Лакана, не существует такого понятия, как безусловное знание, и этот вывод подводит к мысли о поисках эпистемологических основ следующего типа дискурса, который номинируется «академический дискурс».

Академический дискурс (*discours universitaire*)

Феномен, который Лакан называет академическим или университетским дискурсом, существовал не всегда. По его мнению, прежде чем появились школы, а затем и университеты, необходимо было создать устойчивый «континуум знания» (Lacan, 1973). Статус и место научного знания менялись от цивилизации к цивилизации. На первый взгляд научному сообществу казалось, что академический дискурс должен был основываться только на чистом знании и рождаться в результате коммуникации между учеником и учителем. Тезис Лакана состоит в том, что современная лингвосомиотическая структура академического дискурса непосредственно зависит от эволюции и манипулятивных ходов дискурса хозяина-господина.

Исторически сложилось так, что из-за специфики дискурса философа (пример Лакана: греческий раб-философ в услужении римского патриция), пытающегося вписаться в функцию дискурса хозяина-господина, последовало то, что психоаналитик называет «шулерским трюком» (*entourloupe*), с помощью которого философ заставляет хозяина поверить в необходимость обладания знанием и предоставляет ему это знание, которое по сути дела «транслируется из ноу-хау раба» (Lacan, 1973, p. 29).

Современный академический дискурс функционирует несколько иначе. Следуя за Лаканом, мы будем трактовать знание как первое звено в цепи познания, это равносильно утверждению, что знание само по себе имеет признаки абсолютной истины. В своих рассуждениях психоаналитик опирается на диалектическую схему борьбы противоположностей «господин – раб», в соответствии с которой «раб занимает место хозяина и в то же время освобождает знание от подчинения, в котором оно находилось. За скептицизмом господина, который отказывается быть одуроченным, следует догматизм раба, который питает иллюзию того, что он больше не является никем: только раб может верить, что знания вполне достаточны для него самого, поднимая свой социальный статус на недостижимую высоту» (Lacan, 1966b, p. 7). Якобы доминирующая позиция знания, разрывающая цепь подчинения *означающему S1* дискурса хозяина-господина, «неволею» производит «рокировку» агентов, заменяя «раба на господина». Вот почему в предложенной Лаканом типологии форм дискурса академический дискурс получает обозначение, которое с самого начала отличает его от всех других: это не просто дискурс, соответствующий именам «академический» или «университетский». Это по сути дела способ его *реперсонализации*, но при этом он остаётся академическим/университетским дискурсом, который претендует на универсальность, проходя под маской анонимности и тем самым создавая условия удовлетворения амбиций учёного (философа, Учителя), направленных на «обретение свободного поля для знания» (Lacan, 1973, p. 43).

Академический/университетский дискурс, таким образом, является безличным и нейтральным дискурсом, в передаче которого заинтересован не только тот, кто представляет собой случайный инструмент, а именно преподаватель, который «транслирует» этот дискурс, но также и тот, кто получает его результаты, а именно «ищущий» студент, *astude* (Lacan, 1973), выражаясь языком Лакана, стирает себя, воздерживается перед царством знания, которое полностью монополизирует право выражать свои мысли. Точно так же университетский дискурс, который юридически не является чьим-либо дискурсом, тяготеет к крайней абстракции, которая характеризует речь, не подчиняющуюся никакому иному закону, кроме закона познания. В лингвосомиотическом ракурсе конфигурации академического/университетского дискурса становятся *цепочкой означающих* и перекликаются с дискурсом хозяина-господина, но без претензий на манипуляцию и конечность всеобъемлющего знания.

Единственный императив, допускаемый данным дискурсом, – это императив понятности, дающий, согласно ему, гарантию успешного общения; дискурс хозяина-господина, напротив, уклоняется от этого императива, который ограничивал бы его суверенитет, заставляя его объясняться, оправдать себя, требование, которое, со своей стороны, университетский дискурс обещает удовлетворить и сделать это, не дожидаясь его формулировки, приняв форму дискурса необходимости, по определению доступного для всех, демократически передаваемого и «потребляемого» материала, отформатированного в соответствии с принципом универсальности, чьё продвижение направлено на рациональное знание.

Психотический дискурс (*дискурс истерии*)

Данный тип дискурса связан с истерией, носящей клинический характер. Истерия – это язык, который пациенты с этим заболеванием используют для самовыражения. Истерики не могут словами описать свою болезнь, большинство из них даже не подозревают, что у них происходят приступы, причём даже тогда, когда они выходят из них (Kristeva, 2000).

По мнению Жака Лакана: «Существует язык тела, язык через тело, который может выразить самую сокровенную эмоциональную жизнь посредством самых сильных двигательных разрядов. Этот архаичный способ выражения принимает коллективные или индивидуальные формы, которые в зависимости от культуры и времени считаются патологическими или нет. Чтобы дать определение этим любопытным явлениям, греки в эпоху Гиппократата придумали слово “истерия” (*hysteria*), что означает “исходящее из матки”. Таким образом, связь с запретной темой уже присутствует в дискурсе древних греков. Это может частично объяснить нетерпимость и агрессию к истерикам современного общества» (Lacan, 1973, p. 51).

Разница между клинической реальностью и социальными представлениями об этом состоянии, несомненно, связана с тем фактом, что истерия, относящаяся к той области человеческой психики, которую трудно переносить в отношении сознательного мышления, принижается. Пациентов, страдающих этим расстройством, самих подвергают преследованиям, выгоняют из больницы или даже считают несерьёзными «актёрами». Само существование болезни было поставлено под сомнение; многие авторы хотели видеть в ней форму более или менее сознательной симуляции. Существует мнение, что истерия – это модель искусственного общения, при которой история субъекта строится со ссылкой на телесные повреждения (Vignemont, 2006, p. 197-215). По мысли Жака Лакана, дискурс истерии – это «примитивный способ общения, предшествующий языку, является по сути протоязыком с относительно ограниченным регистром выражений» (Lacan, 1973, p. 81).

Если сопоставить оба дискурса, дискурс хозяина-господина и дискурс истерика, то первый тип дискурса является доминантным, так как его носитель стремится позиционировать себя в качестве обладателя чистого знания, сопровождаемого патологическим «удовольствием от узурпированного господства». Хозяин-агнец, семиотически представляя собой неделимое и цельное *означающее*, стремится имитировать совместное обладание «объектом желания», которое он разделяет с адресатом-коммуникантом (Lacan, 1973). Обозначим данный феномен термином «дискурсный шеринг», коррелирующим с социально-экономическим понятием краткосрочной аренды потребительских товаров, а также с одним из способов общения психолога с участниками тренинга, предполагающего возникновение обратной связи. Именно реализации специфического фактора индивидуальной или групповой «терапии» и добивается агнец дискурса хозяина-господина. Истерик, входя в фазу психотического «транса», как бы берёт взаймы чужой дискурс и проживает его как свой собственный. Данный феномен часто актуализируется на уровне коллективного сознания под воздействием дискурса власти в любом социополитическом организме. Властный нарратив опирается на определённое количество лингвосомиотических приёмов манипулирования, направленных на поддержание дискурсного шеринга, культурно обусловленного в деталях и универсального с точки зрения общих законов лингвосомиотики, отражающих «алгоритмы когнитивных и потребностно ориентированных явлений в сфере межличностного общения “от знака к слову, от слова к тексту/дискурсу”» (Олянич, 2014, с. 218).

По мысли Жака Лакана, «истерик стремится найти хозяина, которым сам истерик и будет управлять <...> не то, чтобы он сам очарован господством, он только соревнуется с хозяином за своё место, истерик сам хотел бы быть хозяином или госпожой – если он истерик, мы говорим “хозяин”. Когда вся эта операция, которая может заинтриговать истеричного субъекта, терпит неудачу, он или она может обратиться к психоаналитику <...> аналитический дискурс не предлагает объект желания, он предлагает концепции» (Lacan, 1973, p. 75).

Аналитический дискурс (дискурс психоаналитика)

Дискурс аналитика отличается от рассмотренных выше дискурсов и, в частности, от академического дискурса. К основным чертам аналитического дискурса можно отнести трудность его организации, фиксации и поддержания в «рабочем состоянии» и радикальную новизну, которую он представляет в истории дискурсов (Lacan, 1973). Этот дискурс, в корне отличающийся от всех существующих дискурсов, даже если мы можем археологически связать его с тем или иным, цель которого – спровоцировать речь, противоречащую тому, что предполагает всякая спонтанность человеческих отношений.

Особенно трудно сформировать и реализовать дискурс, который в корне асимметричен дискурсу анализируемого, так как опирается на спонтанную интересубъективность. При этом должно попытаться создать симметричный обмен любым разговором, часто в рамках педагогического дискурса или контроля, присущего любому медицинскому вмешательству. Главными и в конечном счёте единственными действующими лицами дискурсной процедуры психолингвистического анализа выступают *психоаналитик* и *анализанд* (анализируемая личность). По нашему мнению, суть дискурсной процедуры интерпретации аналитиком слов анализанда состоит в эффективном структурировании и канализировании психотических *означающих (S1)* в область чистого знания (*S2*). По мысли Лакана, «интерпретация стремится выявить плодотворные загадки там, где знание имеет тенденцию заостряться в воображении смысла. Незнание, которое создает пробел в эгоическом знании анализируемого» (Lacan, 1981, p. 65). Данная процедура напоминает методику лингвостилистического анализа текста, с одной лишь разницей, что фантазийный текст анализанда продуцируется здесь и сейчас и никогда не является законченным конструктом.

Следует подчеркнуть, что аналитик позволяет анализанду говорить всё, что приходит ему в голову, иными словами, побуждает его использовать стратегии и тактики дискурса хозяина-господина и оперировать спонтанно создаваемым знанием, предположительно неподотчётным той или иной подструктуре психического аппарата. Речь идёт об истеризации коммуникативного поведения анализанда с использованием модели *дискурсного шеринга*, описанного выше. Как говорит Лакан: «Мы должны постучать в дверь бессознательного через интерпретацию в целом, в форме полувывсказываний, чтобы оно могло действовать как знание, как истина» (Lacan, 1981, p. 69).

Интерпретацию обычно приходится повторять несколько раз, чтобы она была интегрирована и её эффект был «зарегистрирован» сознанием и воображением, особенно когда речь идет об интерпретации фундаментальной фантазии. В этом смысле можно назвать Жака Лакана «королём загадок», экспертом магической функции языка, использующим суггестивный потенциал аналитического дискурса, тогда как другие аналитики больше придерживаются другого способа полувывысказывания, например «цитирования для повторения высказывания анализанда, чтобы по-разному прокомментировать высказывание» (Kristeva, 2000, p. 41).

Итак, рассмотренные четыре дискурса отличаются магистральной направленностью на активное исследование и использование языковых средств с целью семиотической реконструкции дискурсного континуума и создания условий для формирования продуктивных моделей социально приемлемых социокоммуникативных интеракций. Благодаря категории трансфера, но не только психоаналитического, а скорее лингвосомиотического и в определённом смысле – лингвокультурологического переноса ключевых элементов одного из дискурсов в иерархически вышестоящий дискурс хозяина-господина, представляется конструктивным построение новой интерпретации высказывания с учётом трансформационной трансфертной модели. Данные трансформации представляются возможными, так как нижестоящие дискурсы (*академический, психотический, аналитический*) являются по сути дела аватарами дискурса хозяина-господина с точки зрения «концептуальной семантики и структурной семиотики высказывания» (Guillaume, 1982, p. 99). Приоритетные взаимоотношения между четырьмя дискурсами могут быть переданы при помощи следующей схемы: **Хозяин ↔ Академик ↔ Истерик ↔ Аналитик**. Дискурсная гегемония принадлежит Хозяину, тогда как три остальных *агенса и бенефициара* в одном лице синергетически взаимодействуют с Хозяином в русле функционирования семиотического механизма *дискурсного шеринга* или психоаналитического трансфера.

Жак Лакан утверждает: «...чтобы знать, что такое перенос (трансфер), вы должны знать, что происходит во время анализа. Чтобы знать, что происходит при анализе, нам нужно знать, откуда берутся слова. Чтобы знать, что такое сопротивление, вы должны знать, что стоит на пути речи» (Lacan, 1998, p. 121). В этом плане психоаналитическое знание представляет собой «просто язык, абсолютно ничего больше» (*tout simplement le langage et rien d'autre*), поскольку оно конституировано символическим порядком и формирует человека, который «не только рождается в языке точно так же, как он рождается в мире, но и рождается в нем через язык» (Flame, 2012, p. 207).

Лингвистический пантеизм Лакана зиждется на его убеждённости в том, что «проговор-бавардаж» (*discours-bavardage*), реализуемый анализандом во время психоаналитического сеанса, есть форма защиты от внешнего мира, объект желания и одновременно терапия психоза в одном хронотопе. При этом существует только структура *означающего*, а не просто язык, состоящий из знаков. Речь идёт о структуре, представляющей собой «синхронную систему дифференциальных связей», иными словами, «цепочку *означающих*» (Lacan, 1973). Данный постулат трактует *означающее* как знак культуры, в частности как маркер французской лингвокультуры, которую Жак Лакан называет «*Jardin à la française*» («Французский сад» или «Сад на французский манер»).

Данный этнокультурный континуум существует и эволюционирует в рамках национальных способов вербализации четырёх ключевых концептов французской культуры: *Engagement, Plaisir – Beauté – Vérité, Altérité, Patrimoine* (Французская страсть, Удовольствие – Красота – Истина, Инаковость, Национальное достояние). Как известно, центральной движущей силой французской идентичности выступает национальный язык, который является почти «сакральным» институтом не только для элиты, но и для подавляющего большинства граждан Французской Республики и территорий Франкофонии (Седых, 2022).

В стране Лакании (*Lacanie*), как исследователи часто называют концептологический континуум учения Жака Лакана, любовь к родному языку и культуре проявляется в активной поддержке концепции приоритетного статуса французского языка в обслуживании психоаналитического знания. В самих лакановских текстах активную «смыслоразличительную» роль играют не только неологизмы, игра слов, но и особая архитектура авторского дискурса и эстетика подачи материала, обусловленная грамматикой и структурой французского языка. Трудно переоценить неологический вклад Лакана в словарь французского психоанализа, арсенал которого используется и по сей день и насчитывает около восьмисот единиц (Laplanche, Pontalis, 2007). Приведём ряд ключевых терминов, труднопереводимых на иностранные языки: *analysant* (анализанд); *parlêtre* (естество-говорящее); *lalangue* (лаланг); *linguisterie* (языкоистерия); *poubelliciation* (мусорная публикация) (Larousse, 2013). Семантика и морфология большинства из лакановских терминов требуют внимания будущих исследователей в русле функциональной лингвосомиотики. Здесь важно сделать акцент на специфике лакановских логических построений, включающих *логику письма, логику высказывания, логику языка и логику номинации*. Общим для этих различных логик является то, что они отвечают проекту иронического стиля, о котором заявляет сам Лакан в начале своей карьеры психоаналитика. Это стиль, который задаёт вопросы читателю или слушателю и приглашает их внести свой вклад в создание высказывания, соответствующего коммуникативной ситуации. В обычном дискурсе неологизмы рождаются редко, но лакановские «изобретения» для французского языка создают мощный ассоциативный фон, вызывающий цепь новых *означающих*, наполненных воспоминаниями, создающих коннотации, требующие новых интерпретаций. Неологизмы являются символом стиля Жака Лакана, базирующегося на инновационном формате дефиниций и способах вербализации дискурсов любого типа, от дискурса хозяина-господина до дискурса аналитика.

Заключение

Трансдискурсивность характеризует наш сегодняшний мир, в котором такие средства массовой информации, как Интернет или телевидение, а также современные средства коммуникации способствуют расширению

географии контактов и смешению дискурсов. Результатом является большее культурное разнообразие внутри одной «нации», а также усиление межкультурной компетентности. Можно сказать, что трансдискурсная модель – концепт, в который может «инвестироваться» каждый член социума, независимо от своей национальности.

Французский психоаналитик вернул психоанализу его «революционную» лингвосомиотическую и трансдискурсную силу. Он создал из психоаналитической практики больше, чем просто терапию, но и философию, сочетающую в себе поэзию, строгость и свободу слова. По сути дела, Жак Лакан «придумал» свой язык и актуализировал обновлённый дискурс французского психоанализа, базирующийся на трёх принципах семиотической аттракции: неологизации, игры слов и поэтизации (лингвистической эстетизации).

Выдвинутая Лаканом концепция четырёх дискурсов обладает, с одной стороны, релятивизмом аксиологических параметров, с другой – универсальностью лингвосомиотических характеристик. В этом плане французский психоаналитик придерживается диалектических воззрений на механизмы порождения дискурсных высказываний. К универсальным феноменам можно также отнести процедуру дискурсного шеринга, отражающего экзистенциальный выбор субъекта, в частности анализанда и аналитика. Заимствование «чужого» дискурса становится одним из способов выживания современного человека, для которого на первый план выступает принцип соответствия внешним формам социокультурной коммуникации.

Лакан, как любой француз, нередко увлекается языковой эквилибристикой, что часто усложняет поиск смысловых выводов и создаёт определённые трудности для интерпретации предъявляемых высказываний. Когнитивно-коммуникативный подход к анализу текстов французского психоаналитика, избранный в работе, может служить ориентиром для поиска точных смысловых и концептуальных эквивалентов, например при переводе текстового наследия Жака Лакана.

В рамках проведённого исследования осуществлена лингвосомиотическая интерпретационная реконструкция элементов дискурса Жака Лакана. Ключевым для проекта явилось раскрытие лингвокультурологического статуса психоаналитического дискурса и его актуальности для современного человека с точки зрения выбора адекватной модели дискурсного восприятия и конструктивной коммуникации.

Перспективы дальнейших изысканий видятся в расширении эпистемологической и эмпирической базы исследования за счёт внедрения инновационных подходов и моделей в рамках контрастивного анализа психоаналитических текстов лингвокультур различной степени дистантности с целью обогащения существующих и создания новых этнокультурных корпусов национальных языков и дискурсов.

Источники | References

1. Воробьёв В. В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008.
2. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1.
3. Карасик В. И. Эволюция и инволюция концептов // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей: сб. науч. ст. / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград, 2007.
4. Олянич А. В. Лингвосомиотика этической интеракции: знак, слово, текст (дискурс) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16.
5. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
6. Седых А. П. К вопросу об идиополитическом дискурсе В. В. Путина // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55).
7. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: Эпицентр, 2022.
8. Седых А. П., Акимова Э. Н., Безкоровая Г. Т. Лингвокультуремы, межкультурный трансфер и транскультурное моделирование (на материале русского и французского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 1. <https://philology-journal.ru/en/article/phil20240014/fulltext>
9. Седых А. П., Бузинова Л. М., Иванова В. Р. Психомеханика дискурса французской моды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 7. <https://doi.org/10.30853/phil20230333>
10. Седых А. П., Бузинова Л. М., Пашковская Н. Д. Дискурсология, междисциплинарность, регионализация. Белгород: Эпицентр, 2023.
11. Седых А. П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки: учебно-методическое пособие. Белгород, 2021.
12. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Просвещение, 1970.
13. Фуко М. Дискурс и истина. Мн.: Пропилеи, 2006.
14. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля. СПб.: Гуманитарная академия, 2012.
15. Babu J.-Ph. *Gustave Guillaume, aux sources archéologiques du problème de l'article: Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'université Paris-Sorbonne*. P., 2014.
16. Flame É. *Lacan, le langage et rien d'autre...* // *Annuel de l'APF*. 2012. No. 1.
17. *Guillaume G. Leçons de linguistique, 1956-1957* / éd. par G. Plante. Québec – Lille: P. U. Laval-PUL, 1982.
18. *Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau*. P.: Harmattan, 2009.
19. Kerbrat-Orecchioni C. *Le discours en interaction*. P.: Dunod, 2005.
20. Kristeva J. *Le temps sensible. Proust et l'expérience littéraire*. P.: Folio Essais, 2000.
21. Morin E. *La méthode: en 6 vols*. P.: Seuil, 2006. Vol. 6. L'éthique.
22. Pruvost J. *Dictionnaires et nouvelles technologies*. P.: Presses universitaires de France – PUF, 2000.

23. Pruvost J. Quelques concepts lexicographiques opératoires à promouvoir au seuil du XXIe siècle Jean Pruvost // Éla. Études de linguistique appliquée. 2005. No. 137.
24. Quemada B. Notes sur lexicographie et dictionnaire // Cahiers de lexicologie. 1987. No. 51.
25. Rastier F. Sémantique interprétative. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
26. Rey Ch. Dictionnaire et société. P.: Honoré Champion, 2020.
27. Sedykh A. P., Emanuele V., Kugan E. I. Linguistic and cultural identity: Epistemological review // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Vol. 8. No. 3.
28. Sedykh A. P., Ivanishcheva O. N., Koreneva A. V., Ryzhkova I. V. Modern philological knowledge: Anthropocentrism and linguistic identity // International Journal of Engineering and Technology (UAE). 2018. Vol. 7. No. 4.38.
29. Tabachnick M. Psychomécanique du langage et sémiotique du texte littéraire. Sarrebruck: Ed. Universitaires Européennes, 2011.
30. Vignemont F. de. L'hystérie: ne plus vouloir pouvoir, ne plus pouvoir vouloir // Philosophiques. 2006. Vol. 33. No. 1.

Информация об авторах | Author information

RU

Седых Аркадий Петрович¹, д. филол. н., проф.
Акимова Эльвира Николаевна², д. филол. н., проф.
Скворцов Константин Викторович³, к. филол. н., доц.

¹ Московский международный университет;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Белгородский государственный технологический университет

² Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва

³ Российский университет транспорта, г. Москва

EN

Arkadiy Petrovich Sedykh¹, Dr
Elvira Nikolajevna Akimova², Dr
Konstantin Viktorovich Skvortsov³, PhD

¹ Moscow International University;

Belgorod National Research University;

Belgorod State Technological University

² Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

³ Russian University of Transport, Moscow

¹ sedykh@bsu.edu.ru, ² akimovaen@mail.ru, ³ skv-kv@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.02.2024; опубликовано online (published online): 17.04.2024.

Ключевые слова (keywords): дискурс; лингвосомиотика; психоанализ; дискурсный шеринг; французская лингвокультура; discourse; linguosemiotics; psychoanalysis; discourse sharing; French linguistic culture.